A full-page background image showing a powerful waterfall cascading over a stone arch bridge. The scene is framed by dense, vibrant green trees on both sides, with sunlight filtering through the foliage. The waterfall is the central focus, with water spraying and creating a misty atmosphere at the base.

ЛЮБИТЬ БОГА И ЛЮБИТЬ ЧЕЛОВЕКА

*ПРОТОИЕРЕЙ
АЛЕКСАНДР
МЕНЬ*

Александр Мень

**Любить Бога и любить
человека. Домашние беседы**

«Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Менья»

2012

УДК 2
ББК 86

Мень А.

Любить Бога и любить человека. Домашние беседы / А. Мень —
«Гуманитарно-благотворительный фонд имени Александра Меня»,
2012

ISBN 978-5-903612-10-9

Сборник составлен из бесед прот. Александра Меня с прихожанами храма Сретения в Новой Деревне. Тема Евангелия и заповеди о любви к Богу и человеку является в беседах доминирующей. В сборник также включены ответы о. Александра на вопросы прихожан о том, как понимать те или иные отрывки из Евангелия. Книга может быть интересна всем, кто стремится к более глубокому пониманию Евангельской вести. Беседы публикуются впервые.

УДК 2
ББК 86

ISBN 978-5-903612-10-9

© Мень А., 2012
© Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Меня, 2012

Содержание

Беседа о Евангелии	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Протоиерей Александр Мень Любить Бога и любить человека. Домашние беседы

Сретенский храм в Новой Деревне

Редакционная коллегия:

Роза Адамянц, Наталия Вторушина Наталия Григоренко, Павел Мень

Издательство выражает благодарность всем, кто записал эти беседы на магнитофон: *Александру Белавину, Марку Вайнеру, Сергею Бессмертному, Светлане Домбровской, Александру Кунину*

и кто эти записи расшифровывал:

Татьяне Алкснитис, Зинаиде Атаян, Лилит Базян, Светлане Бразжевской, Екатерине Мамаевой, Татьяне Мареевой, Нелли Могилевской, Ивану Привалову, Татьяне Семчишиной, Александру Якушевичу,

а также

Бэлле Боевой за художественное оформление обложки, *Ирине Языковой* за помощь в подборе иллюстраций, *Ольге Неве* за подготовку настоящего издания.

Протоиерей Александр Мень. 1987

Беседа о Евангелии

[...] Если вы внимательно читали Евангелие, то могли заметить одну важную вещь: когда Христос появляется среди людей как *Учитель*, Он не говорит о каких-то высших метафизических тайнах, Он даже не говорит о бытии Божиим – это само собой подразумевается, потому что вся ветхозаветная история, все ветхозаветное учение и богословие подготовили почву для Его проповеди.

Люди уже знали о том, что Творец – единый и Он требует от человека следовать определенным правилам и принципам жизни, люди хотя бы примерно понимали, что такое Царство Божие. Поэтому все, о чем говорил Христос, было сказано на языке, который был доступен Его слушателям, не в смысле простоты языка, а в смысле употребительности символов, знаков и названий. Когда Господь говорил о Завете Божиим, о правилах жизни, когда Он говорил о Писании, о Слове Божиим, – все это уже было известно людям и они понимали этот язык.

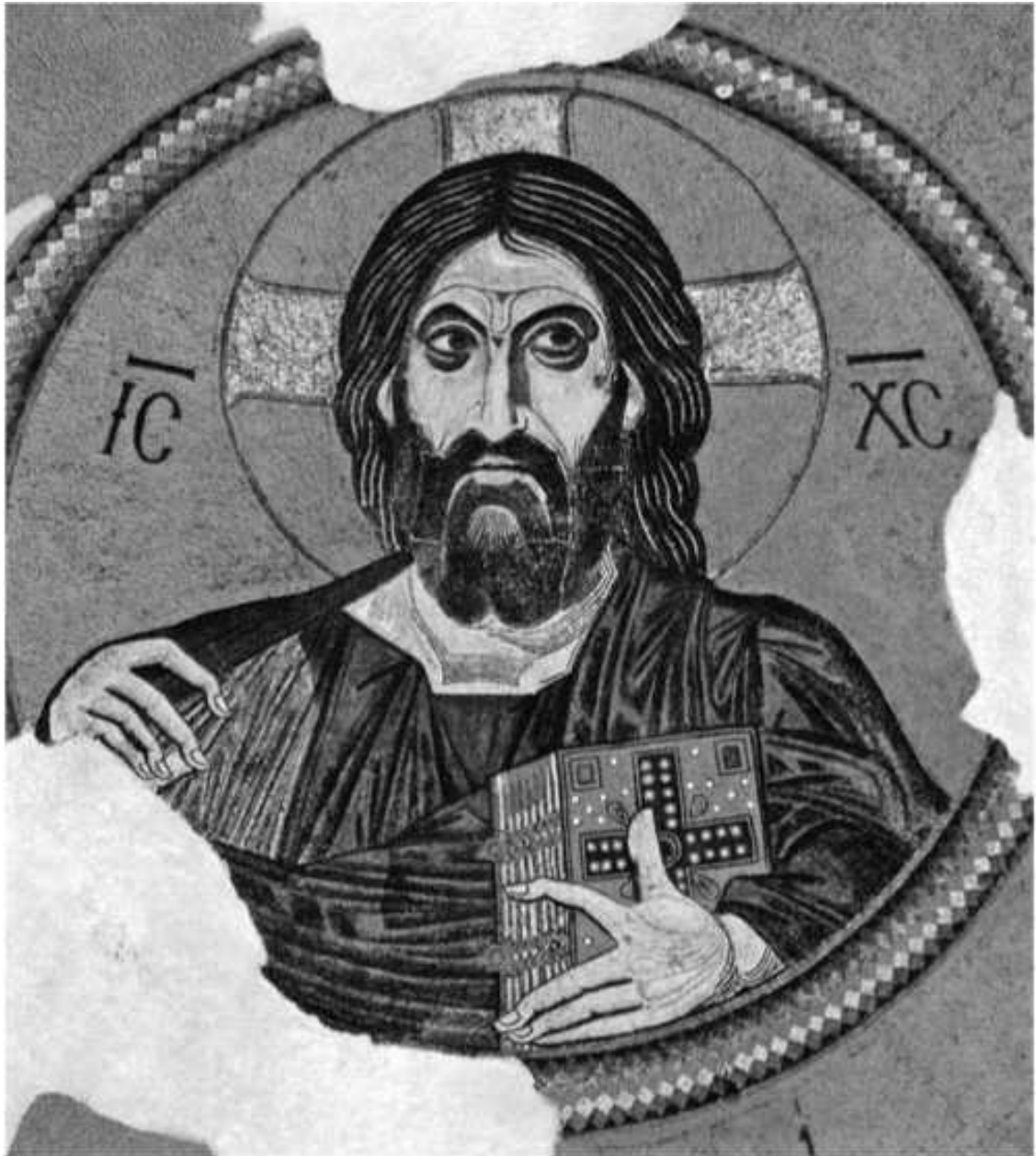
В каждом человеческом кругу есть определенные символы. Когда мы произносим слово «прогресс», – как бы мы его ни понимали, все-таки ясно, что под этим словом подразумевается. Для представителя точной науки какая-нибудь формула уже о многом говорит. Специальные термины (в любой отрасли науки) знающему человеку кратко, в пределах одного слова, сразу говорят о целом мире понятий.

Когда Христос начал проповедовать Царство Божие, Он выступил как учитель жизни. Он не стал говорить о *Себе*, а начал со слов: «Покайтесь, приблизилось Царство Божие»¹, хотя, как мы уже с вами говорили, центр христианства – это Христос, а не Его доктрины. Еще раз подчеркиваю: Он не был только учителем жизни, учителей жизни было тысячи, но ни один из них не был даже отдаленно подобен Ему. Если бы Он был просто учителем жизни, то христианство бы никогда не смогло родиться.

Вот вам свидетельство от противного: посмотрите Евангелие, переписанное Толстым – с самыми лучшими намерениями, с самым горячим желанием донести учение Христа до людей, и теперь подумайте: могло ли такое Евангелие перевернуть мир и создать вселенскую Церковь? В сущности, читать его скучно, и оно выглядит крайне заунывным, я бы даже сказал – занудным. Оно не смогло бы зажечь мир, не смогло бы создать столько обликов христианских культур, создать такой святости, всего того, чем живет христианство. Из него пропал стержень – пропало реальное присутствие Христа в жизни верующих, и осталось простое морализирование, без внутреннего огня любви, а раз без любви – значит оно как пепел без огня.

И тем не менее Христос начал все-таки как учитель жизни. Поэтому мы с вами, становясь христианами, должны так же, как люди того времени, вначале понять: что же Он хотел от людей? А Он хотел, чтобы люди сначала стали Его последователями, а потом Его учениками, приобщившись к Нему, к Его мистической тайне.

¹ Ср.: Мф 4, 17.

Христос Пантократор. Мозаика в куполе **монастыря Дафни** под Афинами. XI в.

Назвал Он Свое учение Радостной Вестью, по-гречески *Евангелион*. Слово это было расхожим словом тогдашнего времени... Радостное известие о каких-то событиях в государстве или о победе, которую приносил вестник, прибегая с поля боя, по-гречески называлось *евангелион*, «радостная весть». Первая черта вести, которую возвещает Христос, – это некая *радость*.

Когда смотришь на древние фрески в средневековых христианских храмах, начинаешь чувствовать, как легко забывается эта радость в нашей жизни. Потому что жизнь наша достаточно мрачна, и гораздо легче в христианстве найти пессимистические нотки, чем увидеть, что оно было учением о радости. Причина во зле – оно на первом месте, и бросается в глаза, оно есть главная реальность. Но Христос вовсе не сказал, что мир прекрасен, что мир благополучен. Нет, Он сказал, что *миром правит сатана*. Он назвал сатану князем, а «князь» означает «властитель». Властитель этого мира. И все-таки Он сказал: «Я возвещаю вам радостную весть о Царстве Божием». Давайте остановимся на этом понятии.

Очень давно человек задумывался над тем, откуда в мире грех, зло, несовершенство, страдание. Согласно некоторым доктринам таково изначальное состояние мира. Но библейское

откровение говорило о другом, о том, что зло есть болезнь, *отклонение* от воли Творца, когда изначально благая мысль и благая воля Творца подвергались искажению.

Вы можете спросить: как это могло произойти, если Творец всемогущ? Но, как отвечают нам первые отцы Церкви (и, собственно говоря, еще и древние библейские писатели), Бог обрекает человека на свободу. Создавая его по Своему образу и подобию, Он ему дает великий и страшный дар – свободу. И человек оказывается в мире, где Бог как бы умягчает Свой свет, как бы оставляет пространство для действия свободных сил, идущих против Него. И тогда мы можем сказать, что Бог уже не *царствует*...

Есть старинная сказка-притча о короле, который, желая увидеть положение дел в государстве, оделся в нищего и стал бродить по этой стране, чтобы выяснить, что в ней происходит. Хотя в этот момент он не царствовал, он дал возможность своим подданным свободно в глаза высказывать ему свои мнения, потому что никто не догадывался, что это король. И действие Бога в мире подобно этому: Бог не царствует *явно*, точнее царствует, но неявно. Его проникновение в мир как бы мгновенно, и Он снова исчезает.

И Откровение Ветхого Завета заключалось в том, что мир движется *поступательно*, идет вперед к этому свершению – к воцарению Бога, к Царству Божию.

«Господь воцарится» – это одна из древних песен Библии, которая повторяется в нашей церкви каждую вечернюю службу в воскресенье: «Господь воцарися, в лепоту облечеса» – Господь воцарится, облакаясь в великолепие.

Во все времена во всех странах для людей научного мышления – философов, ученых – эта мысль была чужда. Всем казалось, что мир в принципе измениться не может, что он вращается по кругу и все снова повторится. Об этом мы находим свидетельства и у греческих философов, и, конечно, у индийских, и у современных авторов XIX–XX веков. У них постоянно присутствует мысль о вечном круговороте. Мысль эта довольно естественна, потому что человек видит в природе закон неизменяемости мира. Он видит зиму, весну, лето, осень, восхождение Солнца, Луны, звезд, и все-все неизменно; не бывает, чтобы однажды Луна не взошла, вообще куда-то делась, а потом появилась. С древнейших времен человек наблюдал этот ритм, этот круговорот природы и полагал, что таков строй мироздания.

В. Д. Polenov. Христос и грешница. Фрагмент

И нужно было *Откровение* Божие, то есть действие Духа, Который бы открыл людям то, что они путем разума познать не могут, что мир есть не вращение по кругу, а мир есть *становление*. Мир есть путь. История мира есть движение к чему-то высшему. И, как я вам уже говорил, все секулярные, светские надежды на лучшее будущее являются сегодня отражением, сколком или трансформацией этого библейского Откровения.

Оказывается, подсознательно даже атеисты верят в то, что когда-нибудь добро восторжествует, когда-то будет хорошо, «не мы, так наши дети», – говорят они. «Наука до этого дойдет»,

а если когда-нибудь погаснет Солнце, так мы сделаем новое Солнце. Все эти мысли коренятся в христианском благовестии, впитанном с молоком матери, о том, что Бог когда-то воцарится, то есть воцарится благой замысел. Сейчас Он скован, Он как бы ограничил поле Своего воздействия.

Итак, «Царство Божие» – это тот мир, который Бог задумал, а тот мир, который мы сегодня видим, находится еще в становлении, в муках рождения.

Но тогда почему Христос говорит: приблизилось Царство Божие, покайтесь, вот оно. Многие люди считали, что Царство Божие, как некий мировой катаклизм, переворот, ворвется и изменит все насильственным образом. Людям свойственны такие желания, им хочется, чтобы все было насильственно, быстро, по щучьему велению, но так не происходит. Так и не должно быть.

Что же имел в виду Христос? Он имел в виду, что Царство Божие – это реальность не только футурологическая, не только будущего мира, где мы все встретимся, но это реальность сегодняшнего дня, и вместе с Ним в Его лице Царство Божие как близость Бога к миру начинает постепенно реализовываться, как Он Сам говорил, «неприметным образом». Поэтому Он сравнивает Царство Божие с маленьким зерном, которое вырастает. Он сравнивает его с закваской, положенной в тесто, – оно постепенно делает свое дело. Он сравнивает его с деревом, которое появляется не в одно мгновение, – нужно время, чтобы ему вырасти из семени. Царство Божие одновременно и в будущем, и здесь.

«Суд миру» означает столкновение между замыслом Божиим и эмпирической, данной реальностью мира... Нам думается, что «Суд миру» будет тогда и только тогда, когда Бог наконец исправит эту картину мира, и последний штрих, последний мазок истребит все злое, и все начнет сверкать.

Но Христос говорит *другое*, Он говорит: «*Ныне суд миру сему*»², – то есть в тот момент, когда Он явился в мир, суд уже начался. Греческое слово *кризис* мы переводим как «суд». Суд есть столкновение человека с волей Божией, причем с волей Божией, не *навязанной* насильственно.

Бог не дает нам ничего насильственно, – а дает свободно. Поэтому Он говорит тихим голосом, поэтому Он приходит совершенно иначе, не так, как человек, который хотел бы получить популярность. Он не ищет ни влиятельных покровителей, ни средств эффектной пропаганды, чудеса Он старается делать незаметно... По существу, все, что могло бы способствовать Его влиянию, – все это Им ликвидируется.

Царство Божие привносится вместе с Ним. И дальше Он начинает раскрывать нам новый тип жизни. И прежде чем мы поймем, что Христос живет в нашей жизни сегодня не как память, а как реальность, с которой можно общаться, не как образ прошлого, а как живой собеседник сегодняшнего дня, – мы должны услышать, что же Он говорит об этой жизни. И вдруг оказывается, что Он говорит о том, чтобы люди *превзошли праведность* книжников и фарисеев. Вот Его слова: «Если вы не превзойдете праведность книжников и фарисеев, не войдете в Царство Божие»³.

Праведность книжников и фарисеев заключалась в исполнении религиозных обрядов, законов религии, которые являлись частью быта, жизни, культуры, которые были частью социальных обязанностей; даже в Древней Греции или Риме человек мог думать о богах в частном порядке что угодно, но он был обязан как человек гражданский приходить и совершать жертвоприношение.

Религия в общем – это социальный институт. Религия – это такая мифологизированная идеология, которая спаивает общество воедино, создает для него определенные штампы. И

² Ин 12, 31.

³ Ср.: Мф 5, 20.

человек, будучи приверженцем той или иной религии, может и не думать особенно о Боге, не проникаться Им духовно. Он может быть таким человеком, как, скажем, какой-нибудь старый замоскворецкий купец, который, возможно, и обманывал, и мошенничал, а потом в воскресенье пришел и поставил пудовую свечку, и ушел спокойным, потому что произвел с Богом какие-то расчеты.

Один знаменитый исследователь Древнего Востока, говоря о Месопотамии, выразился так: там был «очень умеренный религиозный климат». Это весьма остроумные слова. В целом все дохристианские религии стремились к созданию *умеренного* духовного климата – человек ест, спит, оберегает свои поля, семьи, дома и поклоняется богам.

Ничего подобного в Евангелии нет. Здесь призыв к абсолютному! Если есть тысяча христиан, которые живут в «умеренном религиозном климате», это значит, что они просто не знают, что такое Евангелие, и не знают, чему они принадлежат и во что веруют.

«Ищите прежде всего Царства Божия и правды Его, все остальное приложится»⁴... Нигде, даже в Ветхом Завете, где вера была огненной и исключительной, то есть она шла в одном направлении и все остальное отметала, – даже там мы найдем массу пластов вот такого «умеренного религиозного климата». Достаточно почитать Книгу Притчей Соломоновых или Книгу Премудрости Иисуса, сына Сирахова.

В учении Христа мы не найдем нездорового фанатизма. Более того, каждое Его слово проникнуто трезвостью, ясностью, у Христа нет ни малейшего желания какими-то туманными фразами произвести дешевый эффект! Слова прозрачные, совершенно прозрачные, обращенные к сознанию человека как простого, так и интеллектуального.

⁴ Ср.: Мф 6, 33.

В. Д. Поленов. Часто собирались в Гефсимании

Не лишенные юмора, даже некоторого остроумия, иногда иронии, они рисуют человеческую жизнь и людей, которые пытаются войти в Царство Божие или убегают от него. Он любил изображать это в виде притч – бытовых, жанровых сценок, которые, конечно, произносились с улыбкой или вызывали улыбку у слушателей. Для нас, людей XX века, эти притчи уже воспринимаются с дистанции времени как торжественные речения, через иконы, картины, – для нас все это уже как бы сакрализовано, возвеличено, возвышено.

Но Христос любил обыденные вещи. У Него обыденные вещи сверкали и играли так, как могут играть только у того, кто видит красоту в обычном и простом. Ведь вы подумайте: сравнить Царство Божие, то есть явление Бога в мир и проникновение в мир замыслов Божиих, – сравнить с закваской в тесте! Это было бы непристойно, если бы такого рода сравнение придумал какой-нибудь современный писатель или проповедник. Дескать, знаете, что такое Великая Истина? – это *дрожжи*, которые хозяйка покупает в магазине за рубль. Так же когда Он говорит о рыбаках, которые перебирают рыбу, или о сеятеле, который выходит на поле.

Забудем на минуточку, что мы живем в эпоху тракторов и траулеров, вспомним, что тогда эти сцены не были архаичными и величественными. Сейчас воспринимается все по-другому, но тогда... Например, эта интересная сцена, когда видишь, как идет сеятель и кидает рукой семя, – это сейчас выглядит как-то поэтизировано, потому что так уже не сеют, тогда это был обычный, обыденный, повседневный труд. И он брал примеры именно из простой обычной жизни. Значит, Он хотел сказать, что Царство Божие можно почувствовать и пережить уже здесь и теперь, в обыкновенной человеческой жизни.

Когда Будда обосновывал свое учение, он рассказывал джатаки⁵, которые потом превратились в легенды; в этих джатаках фигурируют разные раджи, фантастические животные, с которыми происходят какие-то необыкновенные сказочные приключения. Ничего такого в евангельских притчах мы не находим. Все очень просто. Нерасторопные подруги невесты, которые испортили праздник: по обычаю того времени, когда приходил жених, выходила невеста, и подруги должны были со светильниками встречать его. А они не дождались и заснули, у них все погасло, а он зашел, запер дверь и вообще не пустил их⁶. И эта сценка становится трагическим символом души, которая прозевала свое время.

А вот другая очень интересная картина: пастух, который делит овец и коз для стрижки, потому что козы на Востоке – в Греции, Палестине – обычно черные (у нас белые, у них черные), а овцы белые. И когда пастухи перед стрижкой начинают их делить, то зрелище такое: идет смешанное стадо, и пастух отбирает: сюда бегут черные – туда беленькие, черные – беленькие. И вот эту сценку Христос использует для религиозной притчи, для притчи очень трагической, может быть, самой страшной в Евангелии, – о разделении, которое проходит между теми, кто следует по пути Евангелия и кто не следует, – овцы и козлища, идущие направо и налево. Одни на осуждение вечное, другие – на вечную славу⁷... Но надо сказать, как правильно заметил один богослов, что это разделение далеко не всегда проходит между людьми, часто оно проходит внутри каждого человека. В себе мы можем легко найти и черного козлища, и овцу.

Итак, Христос начинает говорить. И начинает говорить странным образом: Он *обещает* что-то людям, и это обещание оказалось выполненным. Замечательно, что в этом тоже сказывается движение Евангелия вперед в будущее, потому что обещание – это взгляд в будущее.

Впервые, когда создается Ветхозаветная Церковь, Бог обещает Аврааму, предку Ветхозаветной Церкви, что он будет отцом великого народа, что он будет иметь свою землю и через него благословятся все племена земли. Таким образом, здесь все – в будущем. Через Авраама приходит Спаситель, то есть Христос, и благословляются все народы, они включаются в спасительную Церковь.

Но когда приходит Христос, Он опять говорит о будущем. Он говорит: вы будете счастливы, «блаженны». Русский эквивалент слову «блаженство» – счастье, высшая степень счастья. Вот первые слова Нагорной проповеди: «Блаженны нищие духом, блаженны плачущие, блаженны гонимые, блаженны алчущие, жаждущие правды»⁸. Здесь интересное обетование, потому что в нем мы находим два мотива.

Мотив первый. Те люди, которые в глазах обычных людей кажутся ущербными, – они счастливы, они могут получить в Царстве Божием полноту.

«Плачущие – вы утешитесь», – говорит Христос. Нищие будут обогащены. Гонимые будут торжествовать и радоваться. Это первая тема. Она показывает, что Царство Божие торжествует над всем; и это не значит, как часто у нас думают, что христианство можно использовать для себя с точки зрения потребления, что его можно взять для себя, вроде йоги или еще

⁵ Джатаки – «повесть о (предыдущих) рождениях (Будды)» – один из важнейших памятников повествовательной литературы буддизма.

⁶ См.: Мф 25, 1–13.

⁷ См.: Мф 25, 31–46.

⁸ Ср.: Мф 5, 3–12.

какого-нибудь удобного учения. Нет, человек может быть несчастен в земном смысле слова, он может быть одинок, разбит, он может казаться в глазах мира последним, – а он будет впереди. И это делает Христос.

А второй мотив – это подражание Самому Христу. Здесь Он говорит о «чистых сердцем» – они узрят Бога, о кротких, которые наследуют землю. Как понимать «наследуют землю»? «Земля обетованная» – это символ грядущего Божьего спасения. Как для древних израильтян «земля обетованная» была реальным знаком того, что Бог исполняет Свои обещания, так потом это становится символом будущего спасения, синонимом Царства Божия, которое обретут и те, кто ищет правды, справедливости, и те, кто сострадателен к другим. «Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут»; «помилованы» – это значит «прощены». Значит, мы тоже должны уметь прощать.

Но главное, что дальше мы находим в Нагорной проповеди, это перемена отношения человека к Богу. «Отче наш» – молитва, которую вы все знаете, мы читаем ее в тексте Евангелия, – это *дословная* речь Христа. Интересно, что ученые сделали обратный перевод с греческого на арамейский язык, и выяснилось, что Христос эту молитву дал ученикам в стихотворной форме, даже с некоторым размером и с рифмами, так что легко было запомнить наизусть, и это еще раз говорит о том, что перед нами почти подлинные слова Христа.

Молитва «Отче наш» мало похожа на ту молитву, которую обычно мы находим в нашем сердце. Какая у нас молитва? «Дай! дай!», «Да будет воля моя». Как бы наша молитва ни украшалась в душе, мы всегда хотим чего-то для себя: я хочу стать сильным, я хочу избавиться от тяжелых состояний, я хочу обрести хорошее состояние, я хочу, чтобы у меня была благополучная жизнь, чтобы мои дети были защищены от невзгод, и так далее, и так далее.

Никто не говорит, что человеку желать себе добра – это естественно; если бы мы желали себе зла, это было бы ненормально. Но Христос учит нас другому. Он говорит, что *есть источник* всякого добра, к которому на самом деле должна быть прикована наша любовь, что на самом деле любить можно только Бога, а через Него – и мир, и человека, и самого себя. Если мы любим эту великую красоту, которая есть красота Божия, тогда наша молитва должна начинаться со слов: «да будет воля Твоя». И начальные строки «Отче наш» вовсе не говорят о человеческой воле, о человеческой выгоде или желании, а о том, чтобы осуществилась *Его* воля. «Да будет воля Твоя, да придет Царство Твое», – вот о чем говорит эта молитва.

В. Д. Поленов. У моря Галилейского. Фрагмент

И сам Христос говорит о Себе, что Он пришел исполнить не Свою волю, но волю Отца. Для Него не было в жизни *ничего* другого – все Его служение было подчинено высшему призыванию. Такой человек может представляться нам в виде какого-то анахорета, отшельника, или какого-то йога, сидящего где-нибудь в Гималаях, который съедает лишь горсточку риса в неделю. Ведь они действительно отрешились от всего и созерцают Вечность.

А Христос ведет удивительный, парадоксальный образ жизни. Он живет обычной жизнью, как все люди, и улыбается, когда фарисеи Его осуждают. Он говорит (с долей иронии): вы похожи на детишек, которые поют песенку; в какой-то детской игре пели такую песенку: мы вам играем похоронку – а вы не плачете, мы вам поем веселую песню – вы не танцуете. Приходит Иоанн Креститель, не ест, не пьет, – вы говорите: в нем бес; прихожу Я, ем и пью, – называете Меня «пьяницей и обжорой» (так в оригинале)⁹. Значит, их ничем не убедишь.

⁹ См.: Мф 11, 16–19.

Он ведет обычный образ жизни и к этому призывает нас. Он странствует, да, это действительно так, но Он никогда не был «странствующим проповедником», даже таким, каким в Средние века был Франциск Ассизский. У Него был Свой дом, в котором Он жил, был город, откуда Он уходил на проповедь и куда возвращался. Это был Капернаум. И если Он потом вынужден был не возвращаться в этот город, то это по причине вражды, по причине борьбы, которая поднялась против Него... Он приходил на званые обеды в дома фарисеев, на свадьбы к Своим родным (вспомним Кану Галилейскую). Он вел обычные разговоры, которые вели под сводами галерей Храма разные учителя Закона. Он мог заговорить с первым встречным...

Очевидно, Он легко вступал в общение с людьми – вспомните разговор с самарянкой, и люди сразу как-то к Нему располагались... В Нем не было ничего торжественного, иератического. Он ходил, а не шествовал. Он говорил, а не вещал. В этом особенность евангельского благовестия. Для чего это было нужно? Он хотел показать, что именно в этой обыденной жизни, не на Гималаях, а вот в этой жизни, где женщины крутят жернова, а пахари занимаются своим делом, мытари считают свои деньги и жизнь идет своим ходом, – среди всего этого может зажечься огонек Царства Божия. И продолжая эту центральную Его мысль, мы можем сказать, что Царство Божие может осуществляться и здесь, в нашей жизни, если только мы этого захотим.

И дальше Христос говорит о том, что человек, который ищет Царства Божия, – он все приобретает: «Ищите прежде Царства Божия и правды Его, и остальное приложится вам». Более того, от этого человека начинает идти некоторый свет. «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего небесного»¹⁰.

Он не требует обязательно быть строго ортодоксальным. Почему? Потому что в том кругу, где Он проповедовал, люди понимали одну простую истину: можно познать лишь то, что открывает Бог. Все остальное человеку недоступно, все остальное является конструкциями его ума!

В теологии многое является делом рук человеческих и к Богу имеет очень мало отношения. Поэтому главное, что отличает последователя Христова, это его отношение к ближнему. Когда Судья разделяет «овец» и «коз», Он не проверяет их ортодоксальность, а спрашивает: что ты сделал Мне? – то есть ближнему, – накормил, напоил, посетил в тюрьме, то есть проявил ли ты человеческое сострадание.

Человек по природе своей эгоцентричен, эгоистичен. Человек ищет для себя – его естественное стремление с грудного возраста – стремление потреблять. Но Христос хочет, чтобы мы изменились, чтобы мы становились людьми, научились отдавать. «Новую заповедь даю вам: любите друг друга, как Я люблю вас»¹¹

¹⁰ Мф 5, 16.

¹¹ Ср.: Ин 13, 34.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.